

ВИКТОР ГЮГО

ДЕВЯНОСТО ТРЕТИЙ ГОД

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Г99

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с французского *Н. М. Жарковой*

Серийное оформление *А. В. Фереца, Е. Д. Фerez*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

*В оформлении обложки использован фрагмент картины
П.-Э. Бутиньи «Анри де Ларошжаклен в битве при Шоло
в 1793 году».*

Гюго, Виктор.

Г99 Девяносто третий год : [роман] / Виктор Гюго ;
[перевод с французского Н. М. Жарковой]. — Мо-
сква : Издательство АСТ, 2023. — 480 с. — (Эксклю-
зивная классика).

ISBN 978-5-17-154611-3

Самый исторически достоверный и драматичный ро-
ман Гюго, словно наяву переносящий читателя то в буй-
ный, кипучий революционный Париж, то в мятежную
бретонскую Вандею, где роялистские партизаны-шуаны
превратили каждый лес, лог и болото в смертельную ло-
вушку для французских солдат.

Именно в Вандее разворачивается захватывающая
история принявшего командование над шуанами маркиза
де Лантенака, его внука — офицера-республиканца, юного
идеалиста Говэна — и наставника и практически отца осир-
отевшего юноши — фанатичного комиссара Симурдэна...

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Перевод. Н.М. Жаркова,
наследники, 2023

ISBN 978-5-17-154611-3

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть первая

В МОРЕ

Книга первая

СОДРЕЙСКИЙ ЛЕС

В последних числах мая 1793 года один из парижских батальонов, отправленных в Бретань под началом Сантерра, вел разведку в грозном Содрейском лесу близ Астилле. Около трехсот человек насчитывал теперь этот отряд, больше чем наполовину растаявший в горниле суровой войны. То было в дни, когда после боев под Аргонном, Жемапом и Вальми в первом парижском батальоне из шестисот волонтеров осталось всего двадцать семь человек, во втором — тридцать три и в третьем — пятьдесят семь человек. Памятная година героических битв.

Во всех батальонах, посланных из Парижа в Вандею, было девятьсот двенадцать человек. Каждому батальону придали по три орудия. Сформировали их в спешном порядке. 25 апреля, в бытность Гойе министром юстиции и Бушотта военным министром, секция Бон-Консейль предложила послать в Вандею несколько батальонов волонтеров; член Коммуны Любен сделал соответствующее представление; первого мая Сантерр уже мог направить к месту назначения двенадцать тысяч солдат, тридцать полевых орудий и батальон канониров. Эти батальоны, сформированные столь молниеносно, оказались столь удачно

сформированными, что и поныне еще служат образцом при определении состава линейных рот; именно тогда впервые изменилось традиционное соотношение между числом солдат и числом унтер-офицеров.

Двадцать восьмого апреля Коммуна города Парижа дала своим волонтерам краткий наказ: «Ни пощады, ни снисхождения!» К концу мая из двенадцати тысяч человек, покинувших Париж, восемь тысяч пали в бою.

Батальон, углубившийся в Содрейский лес, готов был к любым неожиданностям. Продвигались не торопясь. Зорко смотрели по сторонам направо и налево, вперед и назад; недаром Клебер говорил: «У солдата и на затылке глаза есть». Шли уже давно. Сколько могло быть времени? День сейчас или ночь? Трудно сказать, ибо в здешних глухих чащах безраздельно господствует вечерняя мгла, и в Содрейском лесу вечно разлит полумрак.

Трагическую славу стяжал себе Содрейский лес. Здесь, среди лесных зарослей, в ноябре 1792 года свершилось первое злодеяние гражданской войны. Из гибельных дебрей Содрея вышел свирепый хромец Мускетон; длинный перечень убийств, совершенных в здешних трущобах, вызывает невольную дрожь. Нет на всем свете места страшнее. Углубляясь в лес, солдаты держались настороже. Все было в цветенье; приходилось пробираться сквозь трепещущую завесу ветвей, изливавших сладостную свежесть молодой листвы; солнечные лучи лишь местами пронизывали зеленую мглу; под ногой шпажник, касатик, полевые нарциссы, весенний шафран, безыменные цветочки — предвестники тепла словно шелковыми нитями и позументом расцвечивали пышный ковер трав, куда вплетался разнообразным узором мох: здесь

он рассыпал свои звездочки, там извивался зелеными червячками. Солдаты шагали медленно в полном молчании, с опаской раздвигая кустарник. Над островами штыков щебетали птицы.

В гуще Содрейского леса некогда, в мирные времена, устраивались ночные охоты на пернатых, ныне здесь шла охота на людей.

Стеной стояли березы, вязы и дубы; под ногами расстилалась ровная земля; густая трава и мох поглощали шум человеческих шагов; ни тропинки, а если и встречалась случайная тропка, то тут же пропадала; заросли остролиста, терновника, папоротника, шпалеры колючего столбика — и в десяти шагах невозможно разглядеть человека.

Пролетавшие иногда над шатром ветвей цапля или водяная курочка указывали на близость болота.

А люди шли. Шли навстречу неизвестности, со страхом и тревогой поджидая появления того, кого искали сами.

Время от времени попадались следы привала: выжженная земля, примятая трава, наспех сбитый из палок крест, груда окровавленных ветвей. Вот там готовили ужин, тут служили мессу, там перевязывали раненых. Но люди, побывавшие здесь, исчезли бесследно. Где они сейчас? Может быть, уже далеко? Может быть, совсем рядом, залегли в засаде с мушкетонам в руке? Лес словно вымер. Батальон двигался вперед с удвоенной осмотрительностью. Безлюдье — верный знак опасности. Не видно никого — тем больше оснований остерегаться. Недаром о Содрейском лесе ходила дурная слава.

В таких местах всегда возможна засада.

Тридцать гренадеров, посланные лазутчиками под командой сержанта, ушли далеко от основной части

отряда. С ними отправилась и батальонная марки-тантка. Маркитантки вообще охотно следуют за головным отрядом. Пусть на каждом шагу подстерегает опасность, зато чего только не насмотришься... Любопытство — одно из проявлений женской храбрости.

Вдруг солдаты маленького передового отряда почувствовали тот знакомый охотнику трепет, который предупреждает его о близости звериного логова. Будто слабое дуновение пронеслось по ветвям кустарника, и, казалось, что-то шевельнулось в листве. Идущие впереди подали знак остальным.

Офицеру не для чего командовать действиями лазутчика, когда выслеживание сочетается с поиском; то, что должно быть сделано, делается само собой.

В мгновение ока подозрительное место было окружено и замкнуто в кольцо вскинутых ружей: черную глубь чаши взяли на прицел со всех четырех сторон, и солдаты, держа палец на курке, не отрывая глаз от цели, ждали лишь команды сержанта.

Но маркитантка отважно заглянула под шатер ветвей, и, когда сержант уже готов был отдать команду «пли!», — раздался ее крик: «Стой!»

Затем, повернувшись к солдатам, она добавила: «Не стреляйте, братцы».

Она нырнула в кусты. Солдаты последовали за ней.

И впрямь там кто-то был.

В самой гуще кустарника на краю круглой ямы, где лесорубы, как в печи, пережигают на уголь старые корневища, в просвете расступившихся ветвей, словно в зеленой горнице, полускрытой, как альков, завесою листвы, сидела на мху женщина; к ее обнаженной груди припал младенец, а на коленях у нее покоились две белокурые головки спящих детей.

Это и была засада!

— Что вы здесь делаете? — воскликнула марки-
тантка.

Женщина молча подняла голову.

— Вы, видно, с ума сошли, что сюда забрались! —
гневно воскликнула маркитантка. И она заключи-
ла: — Еще минута, и вас бы на месте убили!.. — По-
вернувшись к солдатам, она пояснила: — Это жен-
щина!

— Будто сами не видим! — отозвался кто-то из
гренадеров.

А маркитантка все не унималась:

— Пойти вот так в лес, чтобы тебя тут же убили, —
надо ведь такую глупость придумать!

Женщина, оцепенев от страха, с изумлением, слов-
но спросонья, глядела на ружья, сабли, штыки, на
свирепые физиономии.

Дети проснулись и захныкали.

— Мне есть хочется, — сказал один.

— Мне страшно, — сказал второй.

Лишь младенец продолжал спокойно сосать мате-
ринскую грудь.

К нему-то и обратилась маркитантка:

— Только ты один у нас молодец.

Мать онемела от ужаса.

— Да не бойтесь вы, — крикнул ей сержант, — мы
из батальона Красный Колпак!

Женщина задрожала всем телом. Она робко взгля-
нула на сержанта: на этом суровом лице выделялись
лишь густые усы, густые брови и пылавшие, как уго-
лья, глаза.

— Бывший батальон Красный Крест, — поясни-
ла маркитантка.

А сержант добавил:

— Ты кто такая, сударыня, будешь?

Женщина, застыв от ужаса, не спускала с него глаз. Она была худенькая, бледная, еще молодая, в жалком рубище; на голову она, как все бретонские крестьянки, накинула огромный капюшон, а на плечи шерстяное одеяло, подвязанное у шеи веревкой. С равнодушием дикарки она даже не потрудилась прикрыть голую грудь. На избитых в кровь ногах не было ни чулок, ни обуви.

— Видать, нищенка? — решил сержант.

В разговор снова вмешалась маркитантка, и хотя ее вопрос прозвучал по-солдатски грубо, в нем чувствовалась женская мягкость.

— Как звать-то?

Женщина невнятно пробормотала в ответ:

— Мишель Флешар.

А маркитантка тем временем ласково гладила шершавой ладонью головку младенца.

— Сколько же нам времени? — спросила она.

Мать не поняла вопроса. Маркитантка повторила:

— Я спрашиваю: сколько ему?

— А, — ответила мать. — Полтора годика.

— Смотрите, какие мы взрослые! — воскликнула маркитантка. — Стыдно такому сосать. Придется, видно, мне отучать его от груди. Мы ему супу дадим.

Мать немного успокоилась. Двое старших ребятишек, которые тем временем уже успели окончательно проснуться, смотрели вокруг с любопытством, забыв о недавнем испуге. Уж очень были пышны плюмажи у гренадеров.

— Ах, — вздохнула мать, — они совсем изголодались. — И добавила: — Молоко у меня пропало.

— Еды им сейчас дадут, — закричал сержант, — да и тебе тоже. Не о том речь. Ты скажи нам, какие у тебя политические убеждения?

Женщина молча смотрела на сержанта.

— Ты что, не слышишь, что ли?

Она пробормотала:

— Меня совсем молодой в монастырь отдали, а потом я вышла замуж, я не монахиня. Святые сестры научили меня говорить по-французски. Нашу деревню сожгли. Вот мы и убежали в чем были, я даже башмаков надеть не успела.

— Я тебя спрашиваю: каковы твои политические убеждения?

— Не знаю.

Но сержант не унимался:

— Пойми ты, сейчас много шпионок развелось. А шпионок расстреливают. Поняла? Потому отвечай. Ты не цыганка? Где твоя родина?

Женщина глядела на сержанта, будто не понимая его слов. Сержант повторил:

— Где твоя родина?

— Не знаю, — ответила женщина.

— Как так не знаешь? Не знаешь, откуда ты родом?

— Где родилась? Знаю.

— Ну, так и говори, где родилась.

Женщина ответила:

— На ферме Сискуаньяр в приходе Азэ.

Тут пришла очередь удивляться сержанту. Он на минуту замолк. Потом переспросил:

— Как ты сказала?

— Сискуаньяр.

— Так разве твой Сискуаньяр — родина?

— Да, это мой край.

И женщина, подумав с минуту, сказала:

— Теперь я поняла, сударь. Вы из Франции, а я из Бретани.

— Ну и что?

— Это ведь разные края.

— Но родина-то у нас одна! — закричал сержант.

Женщина упрямо повторила:

— Из Сискуаньяра мы.

— Ну, ладно, Сискуаньяр так Сискуаньяр! — подхватил сержант. — Твоя семья оттуда?

— Да.

— А что делают твои родные?

— Умерли все! У меня никого нет.

Сержант, видимо, любитель поговорить, продолжал допрос:

— У всех есть родные или были, черт возьми. Ты кто такая? А ну, говори скорее.

Женщина слушала оцепенев эти «или были», похожие более на звериное рычание, чем на человеческую речь.

Маркитантка поняла, что пришло время снова вмешаться в беседу. Она погладила по головке грудного младенца и ласково похлопала по щечкам двух старших.

— Как зовут крошку? — спросила она. — По-моему, она у нас девица.

Мать ответила:

— Жоржетта.

— А старшего? Этот сорванец, видать, кавалер.

— Рене-Жан.

— А младшего? Ведь и он тоже настоящий мужчина, гляди, какой щекастый.

— Гро-Алэн, — ответила мать.

— Хорошенькие детки, — заметила маркитантка, — посмотрите только, какие важные.

Но сержант не унимался:

— Отвечай-ка, сударыня. Дом у тебя есть?

— Был дом.

— Где был?

- В Азэ.
- А почему ты дома не сидишь?
- Потому что его сожгли.
- Кто сжег?
- Не знаю. Война сожгла.
- Откуда ты идешь?
- Оттуда.
- А куда идешь?
- Не знаю.
- Говори толком. Кто ты?
- Не знаю.
- Не знаешь, кто ты?
- Да просто бежим мы, спасаемся.
- А какой партии ты сочувствуешь?
- Не знаю.
- Ты синяя? Белая? С кем ты?
- С детьми.

Наступило молчание. Его нарушила маркитантка.

— А вот у меня детей нет, — вздохнула она. — Все некогда было.

Сержант снова приступил к допросу:

— А родители твои? А ну-ка, сударыня, доложи нам о твоих родителях. Меня вот, к примеру, звать Радуб, сам я сержант, с улицы Шерш-Миди, мать и отец у меня были, я могу сказать, кто такие мои родители. А ты о своих скажи. Говори, кто были твои родители?

— Флешары. Просто Флешары.

— Флешары — это Флешары, а Радубы — это Радубы. Но ведь у человека не только фамилия есть. Чем они занимались, твои родители? Что делали? Что сейчас подельывают? Что они такого нафлешарничали, твои Флешары?

— Они пахари. Отец был калека и не мог работать, после того как сеньор приказал избить его пал-

ками; так приказал сеньор, его сеньор, наш сеньор; он, сеньор, у нас добрый, велел избить отца за то, что отец подстрелил кролика, а ведь за это полагаются смерть, но сеньор наш помиловал отца, он сказал: «Хватит с него ста палок», — и мой отец с тех пор и стал калекой.

— Ну, а еще что?

— Дед мой был гугенотом. Господин кюре сослал его на галеры. Я тогда еще совсем маленькая была.

— Дальше?

— Свекор мой контрабандой занимался — соль продавал. Король велел его повесить.

— А твой муж чем занимался?

— Сейчас воевал.

— За кого?

— За короля.

— А еще за кого?

— Конечно, за своего сеньора.

— А еще за кого?

— Конечно, за господина кюре.

— Чтобы вас всех громом порасшибало! — вдруг заорал один из гренадеров.

Женщина подскочила от страха.

— Видите ли, сударыня, мы парижане, — любезно пояснила маркитантка.

Женщина в испуге сложила руки и воскликнула:

— О Господи Иисусе!

— Ну-ну, без суеверий! — прикрикнул сержант.

Маркитантка опустилась рядом с женщиной на траву и усадила к себе на колени старших детей, которые охотно к ней пошли. У ребенка переход от страха к полному доверию совершается в мгновение ока и без всяких видимых причин. Тут действует какое-то непогрешимое внутреннее чутье.

— Бедняжка вы моя, бретоночка, детки у вас такие милые, просто прелесть. Сейчас скажу, сколько им лет. Вот тому, что побольше, — четыре годочка, а младшему — три. А девица эта, смотри, как сосет, сразу видать — знатная обжора. Ах ты, чудовище этакое! Ты так свою мамашу совсем скушаешь. Вот что, сударыня, вы ничего не бойтесь. Вступайте-ка в наш батальон. Будете вроде меня. Зовут меня Гусарша. Это мое прозвище. Но по мне уж лучше Гусаршей зовите, чем мамзель Двурогой, как мою матушку. Я маркитантка, а маркитантками зовут тех, кто разносит воду, когда кругом стреляют и убивают. Хоть тут все на свете перевернись. У нас с вами одинаковая нога, я вам свои башмаки подарю. Десятого августа я была в Париже и подавала напиток самому Вестерману. Ну, доложу я вам, было дело! Видела своими глазами, как гильотинировали Людовика Шестнадцатого, Луи Капета, так его теперь называют. Ух, и не хотелось же ему помирать! Да слушайте вы меня, черт возьми! Подумать только, еще тринадцатого января жарили ему каштаны, а он сидел со своим семейством да посмеивался! Когда его силком уложили «на доску», как у нас в Париже говорят, он был без сюртука и туфель, только в сорочке, в пикейном жилете, в серых шерстяных штанах и в серых шелковых чулках. Своими глазами видела. Карета, в которой его везли, была выкрашена в зеленый цвет... Послушайте меня, идите с нами, у нас в батальоне все славные ребята, будете маркитанткой номер второй, я вас живо делу научу. Нет ничего проще, — дадут тебе большую флягу и колокольчик, а ты расхаживай себе спокойно, ступай в самое пекло. Пули летают, пушки ухают, шум стоит адский, а ты знай кричи: «А ну, сынки, кому пить охота, а ну?» Говорю вам, дело немудреное. Я, например, всем подряд пить подаю. Ей-богу, правда.

И синим и белым, хотя сама-то я синяя. И самая настоящая синяя. А пить вот всем подаю. Ведь каждому раненому пить охота. Умирают-то все, и синие и белые, без различия убеждений. Перед смертью людям надо бы помириться. Нелепое это занятие — драться. Идите с нами. Если меня убьют, дело к вам перейдет. Вы по виду не судите, я женщина не злая, и солдат из меня неплохой бы вышел. Не бойтесь ничего.

Когда маркитантка закончила свою речь, женщина пробормотала:

— Нашу соседку звали Мари-Жанна, а нашу служанку звали Мари-Клод.

Тем временем сержант Радуб отчитывал гренадера:

— Молчал бы ты! Видишь, даму совсем напугал. Разве при дамах можно чертыхаться?

— Да ведь честному человеку такие слова слушать — прямо нож в сердце, — оправдывался гренадер, — легче на месте помереть, чем этими самыми чудищами заморскими любоваться: отца сеньор искалечил, ихнего дедушку из-за кюре сослали на галеры, ихнего свекра король повесил, а они, дуры башки, сражаются, устраивают мятежи, готовы дать себя уложить ради своего сеньора, кюре и короля!

Сержант скомандовал:

— В строю не разговаривать!

— Мы и так не разговариваем, сержант, — ответил гренадер, — да все равно с души воротит смотреть, как такая миленькая женщина сама лезет под пули в угоду какому-то попу!

— Гренадер, — оборвал его сержант, — мы здесь не в клубе секции Пик. Не разглагольствуйте.

Он снова повернулся к женщине:

— А где твой муж, сударыня? Что он подельывает? Что с ним случилось?

- Ничего не случилось, потому что его убили.
- Где убили?
- В лесу.
- Когда убили?
- Третьего дня.
- Кто убил?
- Не знаю.
- Не знаешь, кто твоего мужа убил?
- Нет, не знаю.
- Синие убили? Белые убили?
- Ружье убило.
- Третьего дня, говоришь?
- Да.
- А где?
- Около Эрне. Мой муж упал. Вот и все.
- А когда твоего мужа убили, ты что стала делать?
- Пошла с детьми.
- Куда?
- Куда глаза глядят.
- Где спишь?
- На земле.
- Что ешь?
- Ничего.

Он скорчил классическую солдатскую гримасу, вздернув пышные усы к самому носу.

— Совсем ничего?

— Ежевику рвали, терн прошлогодний, он еще кое-где на кустах уцелел, чернику ели, побегии папоротника.

— Так. Выходит, что ничего.

Старший мальчик, поняв, очевидно, о чем идет речь, повторил: «Есть хочу».

Сержант вытащил из кармана краюху хлеба — свое дневное довольствие — и протянул ее женщине. Она